

ПОБЕДЫ И ГЕРОИ РУССКОГО ФЛОТА

Владимир Шигин

АФОНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

АДМИРАЛ СЕНЯВИН
ПРОТИВ ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА

Победы и герои Русского флота

Владимир Шигин

**Афонское сражение. Адмирал
Сенявин против турецкого султана**

«ВЕЧЕ»

2016

Шигин В. В.

Афонское сражение. Адмирал Сенявин против турецкого султана
/ В. В. Шигин — «ВЕЧЕ», 2016 — (Победы и герои Русского
флота)

ISBN 978-5-44-448949-9

В 1805 году после объявления генерала Бонапарта императором Франции началась новая череда европейских войн, в которых самое активное участие приняла и Россия в составе антифранцузской коалиции. Для противодействия французам в Средиземном море туда была направлена эскадра вице-адмирала Д.Н. Сенявина. Базируясь на острове Корфу, она развернула боевые действия в Адриатическом море и на побережье Далмации, при активной поддержке населения православной Черногории. В результате ряда блестящих побед на море и на суше была освобождена большая часть территории славянской Далмации. Однако неудачи боевых действий российской армии на европейском театре военных действий, поражение при Аустерлице во многом перечеркнули успехи наших моряков. Все это подтолкнуло к началу войны с Россией и Турцию, желавшую вернуть свое влияние в Северном Причерноморье. Книга известного писателя и журналиста капитана 1-го ранга В. Шигина посвящена событиям Русско-турецкой войны 1806–1812 годов, выдающимся победам вице-адмирала Сенявина при Дарданеллах и Афоне, тяжелейшему противостоянию наших моряков английскому и французскому флотам на Средиземном море, их драматическому возвращению на Родину.

ISBN 978-5-44-448949-9

© Шигин В. В., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

К читателю	7
Глава первая. Россия принимает вызов	8
Глава вторая. Диверсия адмирала Дукворта	14
Глава третья. Штурм Тенедоса	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Владимир Шигин
Афонское сражение. Адмирал
Сенявин против турецкого султана

© Шигин В.В., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

К читателю

Вот уже более двадцати лет я с неослабевающим интересом слежу за творчеством Владимира Шигина. Помню его первые книги, которыми он уже в начале 90-х годов серьезно заявил о себе, как о талантливом и думающем писателе-моряке, настоящим патриоте российского флота. Ныне Владимир Виленович вырос в большого писателя, при этом оставшись верным главной теме своего творчества – истории родного флота.

Диапазон книг В. Шигина удивительно велик – от парусных сражений до исследования «белых пятен» нашей недавней военно-морской истории. Но одно в его книгах неизменно – они позволяют по-новому взглянуть на многие исторические события, а сам процесс чтения всегда интересен и увлекателен.

Новая книга известного флотского писателя капитана 1-го ранга Владимира Шигина посвящена победам российского флота при Афоне и Дарданеллах в 1807 году. До сегодняшнего дня эти блестящие победы, одержанные нашими моряками под командованием вице-адмирала Д.Н. Сенявина, являются классическим образцом ведения маневренного боя парусным флотом в открытом море. Опираясь на высокую профессиональную подготовку своих подчиненных, используя новые тактические приемы, вице-адмирал Сенявин смог нанести сокрушительные поражения турецкому флоту у самого входа в Дарданеллы, тем самым внося весомый вклад в окончательную победу над Турцией в той войне.

Много места в книге уделено и последующим драматическим событиям. После подписания унизительного Тильзитского мира император Александр I был вынужден заключить союз со своим вчерашним врагом Францией против своего вчерашнего союзника – Англии. Заложником этой ситуации, несмотря на одержанные победы, и стала наша Средиземноморская эскадра. Проявив еще раз незаурядный талант флотоводца, вице-адмиралу Сенявину удалось довести ядро эскадры до Лиссабона, где она была блокирована превосходящими английскими силами. После долгих переговоров наши корабли были переданы англичанам на почетное хранение до окончания войны, а команды возвращены на родину. Не менее драматичной оказалась судьба экипажей оставшихся в портах Средиземного моря, возвращавшихся на Родину в течение нескольких лет. Последней в Россию вернулась команда шлюпа «Шпицберген», произошло это только в 1814 году.

Впервые рассказывает Владимир Шигин и о подвиге нашего «средиземноморского “Варяга”» фрегата «Венус». Блокированный английской эскадрой на Сицилии, «Венус» был готов в одиночку дать сражение с противником. Только в самый последний момент нашему послу удалось решить дело миром.

Непросто складывались судьбы наших моряков и после возвращения на Родину. Император Александр I к флоту относился весьма прохладно, а моряков не жаловал. Именно поэтому опальный флотоводец Сенявин совершает еще один подвиг, на этот раз гражданский. Все свое состояние, дом и имущество он распродает во имя обеспечения средствами раненых и больных сослуживцев, семей погибших...

Уверен, что начавший читать новую книгу Владимира Шигина уже не выпустит ее из рук, не перевернув последней страницы.

Главнокомандующий Военно-Морским флотом Российской Федерации в 1992–1997 годах, бывший командир крейсера «Адмирал Сенявин» адмирал флота Ф. Громов

Глава первая. Россия принимает вызов

18 декабря 1806 года турецкий султан Селим III издал фирман о войне с Россией. Последняя обвинялась в захвате исконно турецкого Крыма и Гюрджистана (так турки именовали Грузию), вмешательстве во внутренние дела Порты, то есть в управление Ионическими островами и Дунайскими княжествами. Селим призвал всех правоверных к «джихаду» против москалей. Так началась одна из самых продолжительных войн между Россией и Турцией.

А на польских просторах тем временем все жарче и жарче разгорался костер новой русско-французской войны. Непролазная грязь лишила Наполеона его главного козыря – стремительного маневра, а потому борьба шла между врагами на равных. С отъездом из действующей армии престарелого фельдмаршала Каменского ее возглавил старший из корпусных начальников генерал от кавалерии Леонтий Беннигсен, один из участников убийства императора Павла I.

Первое серьезное столкновение между противниками произошло при местечке Пултуске. Там Беннигсен сразился с лучшим из наполеоновских маршалов Жаном Ланном, имея, правда, при этом двукратное превосходство в силах.

Торопясь занять до подхода русской армии переправы через Вислу, Наполеон ошибся в расчетах и двинул свои главные силы на Голымин, тогда как наши расположились юго-восточнее. На главные силы Беннигсена напал, сам того не подозревая, корпус маршала Ланна. Французы атаковали с ходу в центре и на правом фланге. Справа им сопутствовал успех, и дивизия храброго Гюделя выбила из деревни Мошино отряд Барклая де Толли. Однако затем Беннигсен подкрепил Барклая артиллерией и бросил в контратаку всю остававшуюся у него в резерве пехоту. Полки шли, увязая в непролазной грязи сквозь падающий густой и мокрый снег, но с распушенными знаменами и под рокот барабанов.

Не приняв штыкового боя, французы откатились. И тогда в прорыв пошла уже русская кавалерия. Два десятка эскадронов: гусары и уланы, драгуны и кирасиры. Взметая копытами комья сырой глины, они на галопе прорвали неприятельские порядки. Над головами кирасир зловеще отливали сталью тяжеленные палаши-эспадроны. В грязи тонули раненые и лошади.

Потеряв шесть тысяч человек, Ланн был отброшен. Попытка Наполеона выйти в тыл нашей армии и отрезать ее от переправ через Нарев провалилась. Беннигсен, потеряв три тысячи, тоже покинул поле боя и продолжил свой отход, таща из последних сил по раскисшим дорогам пушки и обозы. Он отходил на Кенигсберг.

Пултуский бой, по существу, завершился вничью. Наши остались, впрочем, довольны. Синдром прошлого поражения при Аустерлице отныне был ими преодолен.

Две недели спустя Беннигсену пришлось уже при Прейсиш-Эйлау встречаться с самим Наполеоном, причем на этот раз уступая ему численно.

Русская армия выстроилась дивизионными линиями в батальонных колоннах. Конница расположилась сзади. Стоял страшный холод и мела метель.

Наполеон вызвал Нея и Даву на городское кладбище, где разбил свою Ставку.

– Сир! Почему вы в столь мрачном месте? – удивились маршалы, спрыгивая с заиндеветших коней.

– Надгробия, по крайней мере, хорошо прикрывают от зимнего ветра! – ответил им, поживаясь, император.

– Вам двоим, – сказал он маршалам, – предстоит обойти русских с флангов, я же буду пока перемалывать их фронтальными атаками!

На рассвете корпус Сульта нанес удар по нашему правому флангу. Гренадеры Тучкова этот удар выдержали с честью. Затем на наш центр обрушился корпус Ожеро. Подпустив французов почти вплотную, открыла огонь артиллерия. В сплошной пурге почти ничего не был

видно, и пушки били на звук барабанов. Картечь щедро выкашивала плотные ряды неприятельских солдат. Французы несколько раз откатывались, затем атаковали, потом снова откатывались. Наконец они были отброшены окончательно. От поголовного истребления солдат Ожеро спасла лишь отвлекающая атака кавалерии Мюрата, да огневая поддержка старой гвардии.

– Моего корпуса больше нет! – зарыдал Ожеро, прискакав к Наполеону.

– Сейчас не до тебя! – оборвал его тот грубо. – Почему опаздывает Даву! Он давно должен быть здесь!

Даву, опоздавший на несколько часов, все же обрушился всей массой своих войск и выбил отряд Багговута из деревни Зерпаллен. Левый фланг русской армии стал сжиматься и откатываться. В этот критический момент положение спасла находчивость артиллерийского полковника Кутайсова. По своей инициативе он перебросил на левый фланг три конноартиллерийские роты. Тридцать шесть русских пушек начали палить прямо с передков. Появление их оказалось столь неожиданным, а огонь столь точным, что французы опешили, а затем побежали. Положение было восстановлено.

Затем последовала мощная контратака подошедшего резерва, и Даву отступил по всем пунктам. Конница генерала Дохтурова, прорываясь сквозь сугробы, добралась до городского кладбища.

– Чьи это полки? – возмутился Наполеон, разглядывая едва видимые в метели тени. – Почему отходят?

– Они не отходят, ваше величество, они атакуют! И это русские! – пригляделся к несущейся конной массе Бертье. – Сейчас наши, кажется, славно паникуют!

Императора спасла контратака его шурина Мюрата. Но и Мюрат далеко не продвинулся. Его конники застряли в глубоком снегу и повернули обратно.

– А это кто наступает так вразброд? – показал раздраженно Наполеон Бертье куда-то влево, где едва виднелась бесформенная толпа устало бредущей пехоты. – Неужели опять русские? Надо их достойно встретить!

Бертье пригляделся в зрительную трубу.

– Встречать их не надо! Они не наступают, а отступают!

– Но кто это?

– Это ваша старая гвардия, сир!

– Не может быть! Моя гвардия никогда не отступает! Передайте мне трубу!

В окуляры увеличительных стекол Наполеон отчетливо увидел, как бегут его усачи в высоких медвежьих шапках.

– Победы сегодня уже не будет! – сказал император мрачно. – Теперь остается только рассчитывать на ничью!

Поздно вечером сражение прекратилось само собой. Потери сторон оказались примерно равными.

Наполеон был мрачен от доложенных справок по погибшим. Почти тридцать тысяч для одного дня – это уж слишком!

– Захвачены ли знамена? – спросил он, чтобы хоть немного поднять себе настроение.

– Нет, сир!

– А пушки?

– Тоже нет, сир!

– Ну а пленные?

– Ни одного!

– Что же я буду сочинять для бюллетеня в Париж? – раздосадовано топнул ногой император. – Ради чего я морю голодом и морожу здесь своих ворчунов?

В ставке Беннигсена тоже совещались. За продолжение боя на следующий день были храбрые Багратион и Ермолов. Осторожный Петр Толстой предлагал дать армии передышку. Беннигсен решил отходить.

Сражение при Эйлау было еще одной почетной ничьей! Впрочем, современники справедливо оценили Прейсиш-Эйлау, как важный стратегический успех русской армии. Да и Беннигсен доносил об обоих столкновениях в Санкт-Петербург как о своих несомненных победах. Благодарность радостного Александра не знала предела. После Пултуска Беннигсен сразу же стал главнокомандующим, а после Прейсиш-Эйлау получил звезду и ленту Андрея Первозванного с двенадцатью тысячами рублей пожизненной пенсии. «На вашу долю выпала слава победить того, кто еще никогда не был побежден», – восторженно писал российский монарх убийце собственного отца...

В боевых действиях наметился перерыв. Противники отогревались по теплым избам, дожидаясь весны, чтобы продолжить спор сызнова.

Российское общество, прознав об Эйлау, ликовало.

– Это припарка французишкам за Аустерлиц! – смеялись все, радуясь известию. – То ли еще будет впереди, намнем бока якобинцам!

Как всегда в подобных случаях, разразился одой Державин. На этот раз она звалась иносказательно «Персей и Андромеда». Наполеон в ней был представлен серпкогистым и двурогим саламандром. Насмерть же его поражал отважный русский витязь... Беннигсен.

Ступай и победи никем непобедимых,
Обратно не ходи без звезд на персях зримых...

В Париже исход Эйлауского сражения тоже отмечали как свою несомненную победу. В Нотр-Дам де Пари был даже отслужен благодарственный молебен «Te Deum».

В частных письмах все свои неудачи французы сваливали на... грязь и морозы. Сам же Наполеон тем временем переживал бурный роман с полькой Марией Валевской.

Пока один император предавался любовной неге, второй из всех сил торопился на войну. После Эйлау Александр I сразу засобиравшись к своей армии. В Митаве он посетил жившего там короля-эмигранта Людовика XVIII.

– День, когда я водворю вас на престол, будет счастливейшим моим днем! – сказал российский император экс-королю при встрече.

– Как вас здесь содержат? Не обижают ли? – поинтересовался затем он у толстогубого обжоры «бурбона», известного всей Европе своим иезуитским талантом плести тончайшие интриги.

– Все хорошо, мой дорогой брат, – вздохнул Людовик, колыхая бездонным чревом. – Но мало хороших вин!

– Это вполне исправимо! – успокоил приживалу Александр. – Поговорим о политике. Я хотел бы, пользуясь случаем, получить от вас гарантии будущей дружбы наших государств!

– Не рановато ли? – удивился обжора-интриган.

– Уже нет! Наполеон будет скоро мною уничтожен и низвержен в ад! А потому я хочу знать, что вы думаете в отношении нашего будущего альянса? Что касается меня, то я хотел бы видеть вас своим союзником в достижении своей главной политической цели!

– Какой же?

– В занятии Дарданелл!

– ?!!

– Вы еще раздумываете? – поднял недоуменно бровь Александр.

– О нет, нет! – торопливо ударил себя по жирным ляжкам Людовик. – С моим восшествием я тут же выступлю против Турции и сделаю все для обеспечения вашего владычества над проливами!

– Я нисколько не сомневаюсь в искренности ваших слов! – дружески улыбнулся августейшему беженцу Александр. – Вино же вам сегодня доставит лично мой обер-гофмаршал!

В предместьях заштатного городка Юрбурга Александр провел смотр гвардии, которую привел из Петербурга брат Константин. Преображенцы, семеновцы и измайловцы кричали «ура», рвясь в бой.

Туда же, к Юрбургу, притащился и униженный Фридрих-Вильгельм II, совсем недавно потерявший свою армию при Ваграме. Прусский король клял Наполеона и плакал о своей участи. Тронутый горем прусского короля, российский император сердечно обнял его. Оба залились слезами: Фридрих-Вильгельм – вспомнив об утерянной армии, Александр – жалея Фридриха-Вильгельма. Обнимая старого друга, Александр воскликнул:

– Не правда ли, ни один из нас двоих не падет один? Или оба вместе, или ни тот ни другой!

Вконец разрыдавшийся от жалости к самому себе, Фридрих-Вильгельм упал головой на плечо верного союзника:

– Вместе... Рядом... До конца...

Мимо окон с песнями шли один за другим пехотные батальоны:

Ах, ты, сукин сын, камаринский мужик!
Ты за что, про что калачницу убил?
Я за то, про то калачницу убил,
Что не с солью мне калачики пекла,
Не по-о-од-жаристы-я!

Друзья-императоры долго стояли, обнявшись... Увы, как показывает история, клятвы монархов зачастую стоят не слишком дорого. Пройдет не так уж много времени, и тот же Фридрих-Вильгельм отправит свой корпус в составе наполеоновских войск в Россию, предварительно извинившись за это перед другом Александром...

После душещипательного общения с королем Пруссии Александр встретился и с Беннигсеном. Помня об Аустерлице, император поспешил сразу же заявить генералу:

– Я здесь гость, и никуда вмешиваться не намерен! Все повеления исходят лишь от вас! Я же буду лишь наблюдать и... вдохновлять!

– Какая великая честь для меня! – склонил голову хитрый Беннигсен.

Вечером император читал бумаги о ситуации вокруг Турции. Бумаги были безрадостные.

– Надо если уж не предотвратить войну с турками, то хотя бы оттянуть ее сколь возможно! – велел передать свой взгляд на южную проблему Александр. – Нынешняя истерия султана – результат французских происков! Нас хотят взять в сплошное кольцо! А потому здесь нам сейчас нужна только решительная победа!

Вокруг Юрбурга поднимались дымы бивуачных костров. Русская армия готовилась к новым сражениям с Наполеоном.

* * *

С началом войны с Турцией во главе нашей Дунайской армии был поставлен известный храбрец генерал от кавалерии Михельсон. В былые годы генерал прославился в Кагульской битве и в боях со шведами в прошлой Русско-шведской войне. Но по-настоящему имя Михельсона стало известно при подавлении Пугачевского бунта. Именно Михельсон нанес мятежни-

кам последние сокрушительные поражения. Теперь же генерала предупредили сразу, чтоб рассчитывал лишь на свои собственные силы – никаких подкреплений ему не будет!

– Нам не привыкать! – нисколько не опечалился бравый Михельсон.

Под началом у генерала было всего лишь тридцать пять тысяч штыков. По существу, и не армия вовсе, а так – корпус средней руки! Но зато это были сплошь ветераны, взлелеянные еще самим Суворовым. Рекрутов не было вовсе. Именно здесь, на юге, вдалеке от столицы, русские полки сумели сохранить старый еще потемкинский дух, здесь никогда не маршировали на вахтпарадах, зато палили из ружей и кололи штыком без промаха. Приехав к войскам, Михельсон собрал генералитет:

– Будем воевать лишь тем, что имеем!

– Значит ли это, что наш план оборонительный? – поинтересовался у командующего острожный генерал Мейендорф.

– Напротив! – рассмеялся Михельсон. – Он будет только наступательным! Готовьтесь к выступлению! Не будем терять ни дня!

Командующий армией рассчитывал стремительным броском занять Дунайские княжества и выйти к самой реке. Именно на берегах полноводного Дуная хотел Михельсон решить исход турецкой войны. К октябрю он подтянул свои войска из Подолии к Могилеву и Ямполью. От Могилева шла дорога на юг к столице Валахии Бухаресту и Дунаю. Именно по ней и предполагал двинуться Михельсон. Генерал торопился захватить инициативу и успеть к Дунаю раньше, чем к нему доберутся турки.

Потянулись томительные дни ожидания рескрипта о начале войны. Нетерпеливый Михельсон не находил себе места. Наконец примчался курьер с высочайшим повелением перейти границу и занять Дунайские княжества. Русская армия решительно двинулась в турецкие пределы пятью колоннами, не дожидаясь обозов.

Вспомогательный корпус Эссена тем временем окружил Хотин. Некогда неприступная твердыня, северный форпост Высокой Порты капитулировал в несколько дней. Да иного туркам и не оставалось! Из-за стремительного рывка Михельсона крепость почти сразу же оказалась в нашем глубоком тылу, и судьба ее была предрешена.

Главные силы Дунайской армии тем временем стремительно катились к югу. Впереди всех – авангард храброго Милорадовича. В Бухаресте турки попытались было задержать бег русских полков, но были выбиты и разогнаны нашим Милорадовичем. Еще под Яссами Михельсон выделил отряд князя Долгорукого для захвата стоящего на Дунае города Галаца. Князь с поручением справился блестяще. Галац пал, так и не успев понять, что же произошло.

Тем временем торопившаяся к Силистрии колонна графа Каменского повернула к Слободзее и взяла под контроль все течение Дуная от Тутуркая до Галаца. 4-я колонна Мейендорфа тем временем переправилась через Днестр у Дубоссар. Согласно плану Михельсона, она должна была прикрывать главные силы и взять Бендеры. 23 ноября наши были уже перед Бендерами. Когда-то генерал Панин потерял под ее стенами многие тысячи, теперь было совсем по-иному. Бендеры пали, едва завидя казачьи разъезды, выторговав себе лишь свободный уход в Измаил.

– Пусть идут! – решил Мейендорф. – И до Измаила доберемся!

Следуя прямо по пятам бежавшего бендерского гарнизона, Мейендорф 16 декабря был уже под стенами знаменитой орду-колеси. Не успели русские батальоны замкнуть кольцо вокруг Измаила, как осажденные произвели внезапную вылазку, но, встреченные густой картечью, быстро убрались восвояси. Начало третьей по счету измаильской осады было обнадеживающим. Увы, на этом удачи под Измаилом и закончились. Мейендорф был опытный генерал, но он не был Суворовым, да и войск, по правде говоря, у него было для штурма маловато. Все это, да еще недостаток припасов с рано наступившей стужей, заставили генерала снять осаду и отойти на север к Пруту. Здесь к Мейендорфу незадолго до Нового года присоеди-

лась и приморская колонна герцога де Ришелье. Последний к тому времени уже овладел двумя сильными турецкими крепостями: Аккерманом и Килией.

Осенняя кампания Михельсона, несмотря на частные неудачи, была в целом блестящей. Опередив противника и поэтому почти нигде не встречая сопротивления, он занял Бессарабию, Валахию и Молдавию, выйдя на дунайский рубеж.

Для находившейся в это время в Средиземном море эскадры Сенявина столь стремительное изменение международной обстановки и внезапное начало войны с Турцией означало лишь одно: с этого момента ей надо было сражаться на два фронта, причем центр борьбы переносился отныне из Адриатики в эгейские воды. Морской министр Чичагов докладывал в те дни императору Александру:

– Сенявину придется нынче туго, а потому следует немедля слать помощь!

Александр близоруко лорнировал своего министра:

– Но там же полно англичан? Они наши союзники и хорошие моряки! Пусть они и помогут Сенявину. Вместе они вполне справятся! Зачем нам попусту гнать корабли через полсвета!

Умный Чичагов лишь разводил в ответ руками:

– Осмелюсь вас огорчить, ваше величество, но думается мне, что Сент-Джеймский кабинет озабочен не тем, чтобы помочь нам, а тем, как скорее прибрать к рукам бесхозный Египет! Иное британцев, по моему их знанию, нынче не интересует. А потому быть Сенявину в одиночестве гордом!

– Из чего же следуют столь мрачные заключения? – недовольно поинтересовался император.

Чичагов пожал плечами:

– Сие вытекает из правил политики британской!

– Что же то за правила? – еще больше нахмурился Александр.

– Правила сии просты и, увы, постоянны! Первое – никого не щадить во имя себя. Второе – ослеплять врагов и союзников деньгами. Третье – идти напролом к источникам обогащающим.

– Что ж, – помолчав, вздохнул император, – правила эти всем известны, но ныне они приобретают и вправду особый смысл. Будем же настороже! Сколь большая помощь требуется Сенявину?

Чичагов мельком глянул в бумажку:

– Надобно семь кораблей линейных! Тогда, имея шестнадцать кораблей да восемь фрегатов, он вполне справится с турками и без английской помощи!

– Готовьте эскадру к плаванию! – закончил аудиенцию Александр.

Глава вторая. Диверсия адмирала Дукворта

Тем временем вице-адмирал Дмитрий Сенявин на острове Корфу спешно готовился к походу в эгейские воды. Трудностей, как всегда, хватало с избытком. Причем, если с припасами и порохом разобрались сами, то с деньгами все обстояло значительно хуже. Очередные аккредитивы из Петербурга по чьему-то головотяпству выслали Сенявину на... Константинопольский банк, а наличных денег не присылали и вовсе.

Зато вместо денег вице-адмиралу в изобилии прислали инструкции по ведению войны с Турцией. Были они весьма примечательные. Чего, к примеру, стоило лишь одно указание Чичагова: «Если же, что всего желательнее, представится вам случай взять Константинополь на капитуляцию, вам надлежит удерживать его в своей власти...» Как может представиться случай капитуляции города, написано не было.

Одновременно Чичагов велел вице-адмиралу послать корабли к Сицилии и Египту, а также совершать специальными отрядами десанты на всем побережье Турции.

– Да здесь по его плану не одну, а десять эскадр иметь надобно! – в сердцах возмутился Сенявин, параграфы предписаний прочитавши.

Император Александр в своем наставлении выражался более определенно: «Главнейшая цель действий ваших направляема быть должна к нанесению удара в самое сердце Оттоманской империи, достижением и покорением ее столицы». План войны предусматривал и помощь британского флота. Но на деле все получилось совершенно иначе.

* * *

После продолжительных противных ветров 10 февраля 1807 года наконец-то подул попутный ветер. В главном соборе Корфу Святого Спиридона сразу же был отслужен прощальный молебен, и эскадра Сенявина, покидая остров, взяла курс в Архипелаг. С собой вице-адмирал вел восемь линейных кораблей, фрегат и шлюп. На этот раз свой флаг он поднял на корабле «Твердый».

В сырых и промозглых трюмах теснились мушкетеры Козловского полка и албанские стрелки. Настроен вице-адмирал был решительно. Греки уже успели оповестить его, что они только и ждут прихода русских, чтобы присоединиться к ним. Кроме этого Сенявин рассчитывал на объединение с английским вице-адмиралом Дуквортом, уже курсировавшим где-то в эгейских водах. Вместе будет куда легче вломиться в Дарданеллы! Своим капитанам Сенявин так и заявил:

– Успех всей нынешней кампании будет решаться, прежде всего, в Дарданеллах! За них и предстоит главная драка!

Дарданеллы... Дарданеллы... Тридцать лет назад в годы Первой русско-турецкой войны эскадра адмирала Спиридова уже блокировала их, беря Константинополь в голодную осаду. Но на прорыв к самой турецкой столице тогда не хватило ни сил, ни решимости, и вот теперь российские корабли вновь идут к гибельным теснинам Геллеспонта. Как-то сложится их судьба в этот раз?

По причине сильного ветра корабли снимались с якоря один за другим, выходя в Коринфский пролив, ложились в дрейф. Когда же последний вступил под паруса, тогда на «Твердом» взвился сигнал: «Построиться в походный строй и нести все возможные паруса». Ставя брамсели, линейные корабли вытягивались в линию. Гостеприимный Корфу скоро остался за кормой. Впереди была Адриатика.

На второй день плавания ветер несколько поутих, но все же оставался довольно свеж. Теперь эскадра шла двумя колоннами. Первую вел на «Твердом» сам Сенявин. За ним следовали «Сильный», «Рафаил» и «Мощный». Во главе второй колонны шел «Ретвизан» под флагом младшего флагмана эскадры контр-адмирала Алексея Грейга. За «Ретвизаном» в струе: «Скорый», «Селафаил» и «Ярослав». Несколько впереди дозорным следовал шлюп «Шпицберген». «Венус» держался на ветре «Твердого», чтобы вовремя репетовать сигналы командующего концевым кораблям.

Миновали Левкадскую скалу, с которой, по преданию, некогда бросилась в волны легендарная древнегреческая поэтесса Сафо. Затем пошли гористые берега Пелопонеса, обиталище свободолюбивых греков-маниотов и место славных сражений российского флота в годы Чесменской экспедиции.

12 февраля прошли мыс Матапан. Теперь вахтенные лейтенанты и штурмана были настороже, ибо в здешних водах встречаются и перемешиваются два сильных противных течения, а потому удерживать корабли на курсе весьма сложно.

Остров Имброс открылся вперёдсмотрящим внезапно, словно кто-то мазнул по горизонту фиолетовой краской. А едва подошли к нему, сразу новость, да какая! Имбриоты, по своему почину, уже приготовили для Сенявина целую флотилию мелких судов. Мало того, снабдили их всем, от провизии до пороха! О таком подарке можно было только мечтать, ведь все бриги и катера Сенявин был вынужден оставить в Адриатике, для противодействия французам. И вот теперь совсем неожиданно их отсутствие было восполнено с лихвою.

– Нашим ходакам нет равных при умеренных ветрах, и особенно в бейдевинд! – с гордостью посвящали наших в тонкости управления своими фелюками имбриоты.

Под рокот барабана грекам зачитывали прокламацию, в коей значилось, что отныне все жители Архипелага находятся под особым покровительством российского императора, а все турецкие гарнизоны объявляются неприятельскими.

У Имброса из-за противного ветра простояли четверо суток, но нет худа без добра, и за это время налились свежей водой.

Из воспоминаний участника экспедиции: «В полдень ветер стих, но к вечеру опять засвежел и обрадовал нас воображением, что скоро достигнем тех мест, где надеемся вложить в уста славы новую трубу для возвещения о наших деяниях. Пушечные выстрелы, раздававшиеся в чистом воздухе, возвестили нам повеление адмирала исправить ордер, сомкнуть линию и нести возможные паруса. Корабли не уступали в ходу один другому. На всей линии, как бы по взаимному согласию, раздались звуки музыки и веселые песни с бубнами и барабанами. В ночь прошли большое расстояние...»

23 февраля на подходе к острову Тенедос посланный вперед для открытия неприятеля линейный корабль «Селафаил» уведомил эскадру сигналом, что видит флот из двенадцати выпелов. С «Твердого» немедленно просигналили: «Какой нации?» С «Селафаила» ответили: «По отсутствию флагов неизвестно».

– Строиться в ордер баталии и готовиться к бою! – распорядился Сенявин.

Прибавляя ход, концевые корабли нагнали передовые и образовали единую боевую линию. Разом откинулись крышки орудийных портов и в них высунулись жерла заряженных орудий. Вскоре открылся Тенедос, а мористее – и мачты большого флота. Корабли стояли на якорях без флагов. На Тенедосе сильная турецкая крепость. Кто тогда может стоять на якорях подле нее? Разумеется, скорее всего, турки!

– Запросить национальность! – велел Сенявин.

На «Твердом» подняли соответствующий набор флагов, продублированный холостым залпом для привлечения внимания. В ответ ближайший корабль снялся с якоря и, подняв английский флаг, двинулся навстречу российской эскадре.

– Пушки разрядить, порты задраить! Прислуга от орудий! – распорядились командиры кораблей. – Как-никак союзников встретили!

Но не успели на эскадре привести пушки в исходное, как над «Твердым» затрепетал новый набор флагов: «Приготовиться к высадке десанта для штурма крепости».

Сенявин рассчитал курс своей эскадры так, что, двигаясь на соединение с английским флотом, она проходила на дистанции картечного выстрела от тенедосской крепости. На стенге «Твердого» всем был хорошо виден приготовленный, но пока свернутый флажный сигнал «начать бой». Сотни глаз неотрывно смотрели на него. Вот-вот сигнальщики «Твердого» дернут за фалы и ком разноцветных флагов, взлетев вверх, рассыплется сигналом новой битвы. Но проходили минуты за минутами, долгожданного сигнала так и не появлялось. В гордом молчании, ошетилившись сотнями пушек, российские корабли проходили вплотную к неприятельской крепости. Удивительно, но турки тоже молчали! В зрительные трубы было видно, как мечутся на кронверках бородатые янычары. Тенедос так и не сделал ни единого выстрела.

Что ж, вице-адмирал Сенявин и здесь проявил удивительное человеколюбие по отношению к противнику, не посчитав для себя возможным, проходя мимо, убить несколько человек. Сенявин ждал первого выстрела со стороны неприятеля, но и турецкий паша тоже ждал того же от него. Один за другим наши корабли в безмолвии проходили мимо тенедосских бастионов. Вот с ними поравнялся концевой «Ярослав». Все невольно замерли. Теперь у турок был прекрасный шанс беспрепятственно обстрелять наш корабль. Но паша и здесь проявил завидное миролюбие. Первая встреча с турками закончилась молчаливой демонстрацией сил. Теперь впереди была встреча с союзным английским флотом.

С салингов уже вовсю кричали впередсмотрящие:

– Три трехдечных, полдесятка двухдечных, четыре фрегата, да еще два бомбардирских с бригам посыльным!

Российская эскадра бросала якоря подле эскадры английской. Никогда еще подле дарданелльских теснин нападавшие не собирали столь мощного флота. Однако от взгляда наших моряков не укрылись многочисленные повреждения на английской эскадре. Корабли буквально зияли свежими пробоинами, видны были перебитые реи и наскоро заштопанные паруса.

– Кажется, союзнички уже повоевали до нашего прихода! – делились впечатлением наши.

От борта линейного корабля «Твердый», под барабанный бой и трели боцманских дудок, отвалил адмиральский катер. Дмитрий Николаевич Сенявин ехал к командующему союзной эскадрой, чтобы выяснить обстановку и согласовать свои дальнейшие действия.

Легкий зюйд-вест срывал с волн пенные брызги. Носясь низко над волнами, кричали чайки. Наступал момент, когда судьба не только Дарданелл, но и всей турецкой империи могла решиться в самое ближайшее время.

* * *

Предложенный Петербургом в конце 1806 года план совместных действий морских сил против Франции и Турции в Лондоне особой радости не вызвал. Русские предлагали совместными усилиями блокировать с моря захваченный французами Данциг, а затем и отбить его. Премьер-министр Хоукинс отнесся к данцигскому плану прохладно.

– Балтийское море пока находится в сфере русского влияния, и нам незачем трепать из-за него свои нервы! Данциг нас не интересует!

Тогда Петербург предложил лондонскому кабинету взаимовыгодное: совместными усилиями союзных эскадр нанести внезапный удар по Константинополю и этим сразу же выбить Турцию из войны. Однако и это предложение было встречено британским кабинетом без особого сочувствия.

– Воевать с турками вам, скорее всего, не придется. Появление нашего флота у Дарданелл уже само по себе в самое ближайшее время отрезвит султана и заставит его принять все наши требования. Так что вы зря суетитесь! – разъяснил свою позицию российскому послу графу Строганову Хоукинс. – Турцию мы берем на себя! Туда уже послан с эскадрой сэр Дукворт!

Проводив посла, премьер-министр придвинул к себе только что доставленные из Адмиралтейства планы новых морских операций. То были обоснования нападения на египетскую Александрию и далекий южноамериканский Буэнос-Айрес. Торговые интересы всегда ставились Лондоном куда выше, чем интересы союзнические, а потому сейчас Хоукинса более всего волновал вопрос, как заставить аргентинцев и египтян с помощью пушек восстановить объем бывшего товарооборота.

Что касается Дарданелл, то здесь у Лондона давно были свои весьма далеко идущие интересы. Эскадра вице-адмирала Дукворта уже подходила к проливу. Что в точности намеревался предпринять сэр Дукворт, не знал и сам премьер-министр. А потому на все задаваемые ему вопросы Хоукинс отвечал одно и то же:

– Очень скоро мы удивим весь мир! Наберитесь лишь немного терпения, господа!

Что ж, наберемся терпения и мы, тем более что ждать действительно осталось совсем недолго...

* * *

Тем временем вице-адмирал Дукворт с сильной эскадрой попытался сам решить вопрос с турками и вошел в Дарданеллы. К Константинополю ему дойти удалось, но там англичане потерпели поражение и вынуждены были прорываться обратно через Дарданелльский пролив, неся огромные потери от мраморных турецких ядер, которые насквозь прошивали их корабли. Потеряв взорвавшийся линейный корабль «Аякс» и более полутора тысяч офицеров и матросов, Дукворт решил поискать удачи у берегов Египета. В Лондоне известие о поражении при Дарданеллах, как и следовало ожидать, вызвало настоящий шок. Все сразу вспомнили о храбром контр-адмирале Смите, который, хоть и участвовал в экспедиции, но лишь в роли младшего флагмана, а потому ничего не мог изменить.

– Если бы поход поручили нашему Синди, нация бы опять получила нового Нельсона! Уж кто-кто, а Синди не стал бы бесполезно торчать под стенами турецкой столицы, а дал бы туркам хороших тумачков! – судачили меж собой обыватели.

Самого Дукворта поначалу хотели судить, но этому помешал ряд неожиданных обстоятельств.

Началось с того, что министр иностранных дел лорд Кенинг в одном из своих публичных выступлений публично заявил:

– Дарданелльская экспедиция могла бы при более умелом руководстве и более ясной постановке задач сделать куда больше, чем было ей сделано!

Затем некто полковник Вуд потребовал в парламенте предъявить ему шканечный журнал флагманского корабля «Роял-Джордж», чтобы на этом построить обвинение сэру Дукворту. Начался скандал. Вуда обвинили в предвзятости на том основании, что данное дело подлежит разбору исключительно военным судом. Один из депутатов предложил своей палате выдвинуть обвинение против чинов министерств, предпринявших столь бесславную экспедицию. Настала пора отбиваться министрам. Военный министр Уиндгэм, яростно защищаясь в парламенте, заявил, что неудача экспедиции не может быть приписываема его министерству и никаким министерствам вообще, потому, что и неудачи-то никакой не было, а была, наоборот, удача! Этим он привел в изумление как своих сторонников, так и своих врагов.

– Если дело обстоит именно так, – рассуждали здраво последние, – тогда непременно следует начать расследование нашей «неудачи» при Трафальгаре. И строго спросить за это

с оставшегося в живых младшего флагмана Коллингвуда, а заодно и посмертно с бедняги Нельсона!

Одновременно в газетах была опубликована целая серия душещипательных статей о полном разгроме турецкого «флота» при мысе Ниагара и о жутких огромных турецких мраморных ядрах, которым храбро противостояли английские моряки. И если известия об уничтоженном «турецком флоте» вызвали у читающей публики большой скепсис, то упоминание о мраморных ядрах произвело должное впечатление.

– То, что мы разнесли турок в щепки, – это, положим, вранье! – знакомясь с газетными листками, приходили к выводу выдавшие виды британцы. – А вот то, что от каменных булыжников нашим ребятам досталось по первое число, так это уж точно!

– Не будем гадать, а посмотрим лучше, как отреагирует на эту победу биржа! – заключили самые разумные.

Курс британской валюты в те дни стремительно упал сразу на несколько пунктов...

Российский современник написал в те дни так: «Этой бесполезною экспедициею англичане имели в виду предостеречь турок от нас, открыть им глаза и уверить, что Дарданеллы их непроходимы».

Между тем, покинув Дарданеллы, Дукворт поспешил к Александрии, но вид ее укреплений испугал вице-адмирала, и он решил для начала захватить небольшую крепость Розетту неподалеку от средиземноморской столицы Египта. Крепость и город англичане заняли без всякого сопротивления, но дальше началось нечто невероятное. Как оказалось, турки специально заманили англичан в нескончаемый лабиринт кривых улиц и глухих заборов. Внезапно отовсюду начался яростный огонь. Солдаты метались и валились за смерть сотнями. Раненым местные мальчишки тут же ловко отрезали головы. Оставшиеся в живых бежали к берегу. Турки их преследовали, избивая нещадно. До своих кораблей удалось добраться очень немногим. Отомстив вероломному врагу яростной бомбардировкой, Дукворт покинул берега египетские. На сем его авантюра и закончилась. Командующего отозвали на расправу в Лондон, а эскадра ушла зализывать раны на Мальту. Египетская авантюра Дукворта и сегодня замалчивается британскими историками. И не зря, ибо героического там было мало, зато глупости более чем достаточно!

В Петербурге расценили дарданелльскую выходку Дукворта как самое заурядное предательство. Император Александр ограничился всего лишь одной фразой, однако прозвучала она публично и во всеуслышание, да еще на официальном приеме:

– Уменьшение морских сил у Дарданелл, благодаря неизвинительному поведению союзников (при этом царь многозначительно посмотрел на стоявшего неподалеку английского посла), ставит нашего Сенявина в положение весьма и весьма нелегкое! Но мы справимся и без сбежавших союзников!

Посол, сразу же посерев лицом, отмолчался, да и что ему еще оставалось делать?

Горечь и недовольство российского монарха понять было можно. Совсем недавно он отправил в Константинополь своего агента полковника Поццо-ди-Борго с задачей склонить турок к окончанию войны и подписанию мирного договора. Ведя большую европейскую войну, Россия меньше всего желала воевать еще и с Высокой Портой. Но этого очень желал Наполеон.

Что и говорить, а переговоры предстояли Поццо-ди-Борго непростые. Впрочем, надо отдать должное корсиканцу, обладая весьма незаурядными способностями, начал он их довольно умело. Однако едва в переговорах наметился небольшой положительный сдвиг, как дарданелльская авантюра англичан свела на нет все усилия Поццо-ди-Борго. Турки ободрились от своей неожиданной победы и теперь ни о каких мирных переговорах не желали даже думать.

Александр I был воспитанным человеком и хорошим политиком, а потому его оценка английского вклада в разрешение ситуации вокруг Турции была достаточно дипломатична. Иные же выражались в те дни в Петербурге примерно так:

– Ну и сволочь этот Дукворт! Заварил кашу, сам смылся, что последний негодяй, а мы расхлебывай!

– Что здесь нового! – пожимали плечами другие. – Англичанка, она завсегда нашему брату гадила!

Самому же Сенявину император отправил письмо ободряющее: «...Я буду ожидать донесений ваших об успехе подвигов ваших противу Порты, не сомневаясь ни мало, что благоразумные предприятия ваши увенчаны будут совершенным успехом, и что тем подадите мне новый случай изъявить вам признательность мою, каковую приятно мне во всякое время оказывать вам по тем расположениям, с каковыми пребываю».

После дарданелльского афронта ореол всемогущества британского флота как-то сразу померк. Солнце трафальгарского триумфа закатилось само собой. Особенно злорадствовали французы:

– Если уж турки разбили англичан, то что будет с ними, когда за дело возьмемся мы!

Глава третья. Штурм Тенедоса

20 января император Александр послал Сенявину извещение об официальном объявлении войны Турции. Одновременно морской министр Чичагов выслал и дополнительную инструкцию по проведению высадки десанта в Сан-Стефано. Это означало, что Средиземноморской эскадре опять предписывалось форсировать Дарданеллы, но теперь уже без помощи англичан! Для этого для начала надлежало разгромить линейный турецкий флот в эскадренном бою, форсировать пролив и, захватив десантом в пригороде Константинополя пороховые погреба, создать угрозу турецкой столице.

Пока Европа судачила по поводу дарданелльской оплеухи британскому флоту, на «Твердом» сенявинские капитаны обсуждали вопрос о дальнейших действиях. После недолгих, но жарких дебатов решено было в проливы и к Константинополю из-за явного недостатка сил пока не соваться, а ограничиться тесной морской блокадой. Константинополь извечно снабжался морем, а потому блокада была бы серьезным ударом по туркам.

– Для надежной блокады нам, безусловно, нужен надежный порт! – заявил Сенявин.

– Конечно, нужен, и как можно ближе! – поддержали его капитаны.

– Как ни крути, а надо брать Тенедос! Лучше его места для маневренной базы нам не сыскать! – объявил вице-адмирал. – Я поручаю вам, Алексей Самуилович, предложить тене-досскому паше почетную капитуляцию!

Контр-адмирал Грейг, поднявшись, склонил голову. Подобное поручение всегда в российском флоте считалось особо почетным.

– Когда отправляться? – спросил Грейг чуть погодя.

– Немедля!

– Что делать в случае отказа?

– Ждать меня. Я подойду через пару суток!

Матросы как один желали драться:

– Пусть турки только высунут свой нос, уж мы с ними пощелкаемся!

Выбор Тенедоса был вовсе не случаен. Лучшей маневренной базы для флота, блокирующего Дарданеллы, найти было просто невозможно. Порт, город и крепость располагались всего лишь в каких-то двенадцати милях от входа в Дарданеллы. С острова прекрасно просматривался как сам пролив, так и подходы к нему. Владеющий Тенедосом крепко держал в руках ключ от дарданелльских врат!

В тот же день младший флагман повел свой отряд к острову. Под началом Грейга были линейные корабли «Ретвизан», «Рафаил» и фрегат «Венус». Сам Сенявин с остальной частью эскадры взял курс к устью Дарданелл, поугаать турок и пресечь их возможные вылазки на помощь Тенедосу. Едва корабли Грейга бросили якоря у острова, как в прибрежный накат ушла шлюпка под белым переговорным флагом. Контр-адмирал предлагал местному паше, во избежание кровопролития, сдать крепость. Гарнизон Грейг обещал отпустить на все четыре стороны со знаменами, холодным оружием и всем домашним скарбом. Паша ответил категорическим отказом.

– Если мы недавно отвадили инглизов, то почему теперь не отвадим и московитов? – рассудил он весьма здраво. – Пусть они попробуют победить, а сдаться я всегда успею!

Тем временем Сенявин продемонстрировал в устье Дарданелл Андреевский флаг, а затем продефилировал, для пущей убедительности, несколько раз мимо береговых батарей.

– Кажется, турки пока вылезать из своей бутылки не собираются! – констатировал Сенявин, не заметив никакого движения в глубине пролива. – А жаль!

Оставив в дозоре «Селафаил» и «Скорый», он с остальной частью эскадры также поспешил к Тенедосу. Еще на подходе к острову главнокомандующий сделал распоряжения относительно предстоящей высадки десанта.

У острова «Твердый» сошелся вплотную с «Ретвизаном».

– Давали ли ультиматум? – спросил Сенявин Грейга.

– Давали! – ответил тот.

– Что ответствовали?

– Желают драться!

– Ну, так пусть дерутся! – зло ударил кулаком по столу вице-адмирал и велел кораблям занимать назначенные им диспозицией места.

8 марта с первыми лучами солнца «Мощный», «Венус» с одним из греческих корсаров, подошли вплотную к берегу и открыли картечный огонь по турецким пикетам. Не выдержав огня, турки стали быстро отходить в глубь острова. С крепости начали перестрелку с «Рафаилом». Еще в Кронштадте Лукин раскрасил свой корабль отлично от всех в одну широкую черную полосу. Теперь, завидев черный корабль, продвигающийся вдоль берега и непрерывно посылающий ядра, турки кричали:

– Каракурт! Каракурт! Черная смерть! Черная смерть!

Артиллеристы Лукина били отменно, и «черный корабль» оправдывал данное ему имя.

Мичман Панафидин командовал шканечной батареей. Из-за малого калибра та почти в бою не участвовала, и мичману пришлось большей частью оставаться сторонним наблюдателем происходившего.

– Это было мое первое дело! – рассказывал впоследствии друзьям Панафидин. – И хотя я почти не палил, но был так оглушен, что на другой день ничего не слышал, а шум в голове остался вообще надолго. Убитых у нас было двое, зато бедняга «Рафаил» получил более двадцати пробоин!

Из донесения об этом бое: «Корабль отвечал с совершенною исправностию, так что редкое ядро не причиняло вреда неприятелю». Капитан 1-го ранга Лукин свое дело знал отменно! Одновременно началась подготовка к высадке десанта. С тыльных бортов спустили шлюпки и баркасы, высадили в них морских солдат и стрелков-албанцев.

На «Твердом» вывесили сигнал: «Усилить огонь, сколько возможно». Теперь корабельные пушки ревели не переставая. Турки поначалу отвечали живо, но затем огонь их стал слабеть: то ли несли потери, то ли берегли порох. Заметив турецкое ослабление, Сенявин тут же скомандовал:

– Десант в шлюпки! Мой катер к трапу! Я поведу солдат сам!

Командир «Твердого» капитан 1-го ранга Малеев попытался было отговорить командующего:

– Уж не ваше дело, Дмитрий Николаевич, с сабелькой по камням скакать! Другие у нас для того в избытке имеются!

Но Сенявин лишь отмахнулся:

– Оставьте, Даниил Иванович! Сколько мне еще в каюте киснуть, пора и кости размять!

В четверть часа были сбиты последние неприятельские пикеты. Оставшиеся в живых турки, гомоня, побежали в крепость.

Наконец от кораблей отвалили первые шлюпки с албанцами. Их задача – высадиться на пляж и удержать сей плацдарм до подхода основных сил. Албанцы высадились на прибрежный песок беспрепятственно. Корабельная артиллерия им хорошо расчистила дорогу. За стрелками устремились шлюпки с регулярной пехотой. Едва достигнув берега, солдаты выскакивали на песок и кричали:

– Здорово, матушка дорога земля, будь сегодня к нам милостива!

Солдаты тут же строились в две колонны. Первую, из девятисот мушкетеров-козловцев, возглавил полковник Подейский. Ему дадены были четыре полевые пушки. Колонна Подейского двинулась к крепости, обходя ее горами с левой стороны. При колонне Подейского находился контр-адмирал Грейг.

Вторую колонну принял старый черноморец храбрый полковник Буасель. У него шесть сотен морских солдат 2-го Морского полка, все сплошь ветераны, помнившие еще ушаковский штурм Корфу! Им приданы четыре пушки и шесть фальконетов. Как и подобает настоящим морским пехотинцам, Буасель со своими подчиненными двинулся к крепости вдоль берега.

Албанские стрелки и матросы-охотники наступали, двигаясь впереди колонн. Вместе с морской пехотой шел Сенявин.

Обстреляв десант издали, турки боя не приняли и отошли к самой крепости. Чиновник Министерства иностранных дел Свиньин, приписанный к эскадре, писал в своих мемуариях: «Турки побежали в горы стремглав... наши с развернутыми знаменами и стройным фронтом – с громким “ура!” их преследовали быстро, производя беглый огонь».

Первыми вышла к предкрепостным шанцам колонна Буаселя. Быстро подтащив на руках легкие орудия, морские пехотинцы внезапно в упор начали поражать засевших в окопах турок картечью. До штыка дело даже не дошло, так как неприятель бежал.

– Шанцы наши! – доложил Сенявину, расправив седые подусники, Буасель.

– Продолжайте в том же духе! – кивнул Сенявин. – Подождем вестей от Подейского.

Колонна полковника Подейского тем временем уже тоже подходила к крепости со стороны гор. Отделенный от колонны отряд майора Геденова сумел отсечь часть отходивших турок от крепости и лихой атакой рассеял по окрестным горам.

Результат атаки Подейского был чрезвычайно важен. Дело в том, что Тенедосская крепость, построенная некогда генуэзцами, была устроена столь неудачно, что тенедосские горы буквально нависали над ней. А потому владеющий горами имел возможность беспрепятственно обстреливать крепость. И вот теперь козловцы взбирались по горным тропам, чтобы оседлать стратегически важные высоты. Остальная часть колонны тем временем с криками «ура» ворвалась со своей стороны в предместье.

Уже объединившись, десант без всяких потерь занял все городское предместье. К ногам вице-адмирала бросили пять захваченных знамен.

– Для начала неплохо, но надо бы побольше! – кивнул принесшим знамена солдатам главнокомандующий.

– Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство! – заверили те его в один голос. – Столько добудем, что еще вместо портянок ноги оборачивать станем!

После этого Сенявин велел штыковой атакой взять ретрашементы-окопы перед самой крепостью. Спустя какие-то минуты они также были наши.

Свидетельствует участник десанта: «Меж тем передовая колонна показалась на возвышенности, которую приказано было занять ей. При виде ее турки побежали с горы стремглав; наши с развернутыми знаменами и стройным фронтом – с громким “ура!”. Их преследовали быстро, производя беглый огонь. Прекрасное зрелище! Мы со своей стороны также понемногу приближались к крепости и таким образом со всех сторон стеснили неприятеля. Наконец адмирал вышел вперед войск, закричал “ура!”. Кинулись в штыки, и в несколько минут неприятель выгнан был из форштата, обращен в бегство и принужден запереться в крепости».

Турки бежали, причем столь панически, что, будучи не в силах одновременно пробиться, кидались от отчаяния в крепостной ров. Наши солдаты гнали бежавших до самых ворот, поражая штыками. После этого пала и «малая крепостица», прикрывавшая последние ретрашементы. Над ней поднял российский флаг мичман Салморан.

– Так врзали, что и не ойкнули! – смеялись солдаты, занимая окопы.

В тенеодосском десанте принял боевое крещение и Павел Свинын. Молодому дипломату не повезло. Вначале его уронили в воду переносившие на берег матросы. Затем Свинын попал под турецкие пули и вынужден был прятаться в кустах. Спасло его появление нашей колонны, к которой он и примкнул. Во главе колонны шел сам Сенявин. Завидев молодого дипломата, он приветливо кивнул:

– И вы здесь?

– А как же! – гордо отвечал Свинын, пытаясь на ходу вытрусить из дула пистолета промокший порох.

Рядом просвистело несколько пуль. Свинын невольно отшатнулся в сторону.

– Не стоит им кланяться! – обернулся главнокомандующий. – Тем более что свою пулю не услышишь!

Турки затворились в главной цитадели – форту Табия. Одновременно продолжались отдельные бои в предместье. Часть защитников, запершись в домах, отчаянно защищалась. Поэтому каждый такой дом приходилось брать штурмом. Чтобы избежать лишних потерь, Сенявин велел разбивать их пушками. Греки, наоборот, сразу же отворяли нашим ворота, встречая измученных солдат вином и холодной ключевой водой. Вскоре, видя, что всякое сопротивление напрасно, турки начали выбрасывать над домами белые флаги. К сдавшимся домам, во избежание грабежей, немедленно выставлялись караулы. Для женщин по приказу Сенявина ставили отдельные палатки, где те могли находиться вне любопытствующих мужчин.

Тем временем с кораблей свезли несколько достаточно мощных корабельных орудий. Несмотря на всю трудность их доставки, на привезенные пушки Сенявин рассчитывал особо. Тяжелый калибр должен был проломить брешии в крепостных стенах, а остальное решал русский штык. Орудийные стволы, лафеты, ядра и порох матросы тащили на руках и волокушах.

– Наддай! – кричали на подъемах, когда и сил, казалось, уже не было.

Вымотались ужасно, но зато туркам сюрприз приготовили изрядный! Уже после первых выстрелов в крепости поднялись черные столбы пожаров.

– Так они долго не продержатся! – резюмировали наши офицеры.

По тому, как редок стал ответный огонь, было очевидно, что турки сильно загрустили. Наши же били не переставая, и спустя день над стенами Тенеодосской цитадели забелели флаги капитуляции.

– Ну вот, кажется, и всё! – бросил шпагу в ножны Сенявин. – Остров наш!

Письмо от Сенявина понесла в крепость одна из пленных турчанок по имени Фатима. В нем российский командующий писал, что обещает беспрепятственно отпустить турецкий гарнизон на азиатский берег. Наконец ворота крепости отворились и турки, бросая оружие и знамена, вышли наружу. Следом за ними двинулись и их многочисленные семейства.

Под рокот барабанов в Тенеодосскую цитадель вступил храбрый Козловский полк. Командир полка полковник Иван Федорович Подейский был назначен комендантом.

Во время перевоза турок с острова на материк Сенявин приказал, чтобы для перевозки женщин были оборудованы специальные суда с закрытым верхом, дабы никто не мог смущать нравственности турчанок.

Паша еще более растрогался:

– Я прекрасно знаю права победителей, как нелегко отказаться от стольких прелестных красавиц! А потому даже не смел ходатайствовать об их освобождении, но теперь, когда вы сами их нам возвращаете, поверьте, что мы сумеем оценить ваше снисхождение и на деле доказать нашу благодарность!

Прощаясь с Фатимой, Сенявин щедро наградил женщину за ее подвиг.

Наши солдаты и радостные греки горожане немедленно поступили к тушению пожаров. Одновременно подсчитывались потери и трофеи. За время боев было потеряно четверо убитых (двое из которых – албанцы) и ранено восемь десятков человек. Захвачено же было восемьде-

сят пушек с большим количеством ядер и пороха. Но главное состояло в том, что с занятием Тенедоса российская эскадра приобрела прекрасную маневренную базу в самой близости от Дарданелл и возможность постоянно и легко пополнять запасы свежей воды.

Тенедосского пашу Сенявин принял со всей возможной вежливостью. Они вместе отобедали прямо на расстеленном персидском ковре. Поев и выпив, невольный гость благодарил хозяина за доброе отношение к себе. А когда Сенявин сказал, что отпускает пашу домой, тот растрогался до слез:

– Чем я могу отплатить вам за вашу доброту?

– Попробуйте облегчить участь офицеров и матросов с «Флоры»! – попросил турка Сенявин, до которого уже дошли слухи о судьбе команды потерпевшего крушение корвета.

Гарнизон, как изначально обещалось, вывезли рыбацкими фелюками на анатолийское побережье, где и отпустили на все четыре стороны. Сами же занялись срочным восстановлением крепости. Сенявин был доволен. Тенедос достался самой малой ценой, и теперь вице-адмирал был полновластным и единоличным владельцем всех северных эгейских вод. А затем был торжественный парад.

Из хроники взятия Тенедоса: «Полки прошли церемониальным маршем, совершенно молебствие Всевышнему Поборнику правды и при звуках пушек, труб и литавров провозглашено долголетие великому царю русскому и подняты флаги на вновь завоеванной ему крепости».

Кончились праздники, начались будни. Перво-наперво надо было восстановить частично разрушенные крепостные стены.

– Работать, ребята, на совесть! – внушали солдатам и матросам офицеры. – Нам еще сию фортецию от турок защищать придется!

В том, что турки рано или поздно, но обязательно предпримут попытку отбить и остров, и крепость, ни у кого сомнений не было. Тем временем со всех греческих островов и даже с материка к Тенедосу спешили суда и суденышки. То греки, прослышав о победоносном прибытии в Архипелаг русского флота, торопились заверить Сенявина в своей преданности и поддержке.

Всеобщее внимание привлекла огромная пушка, стоящая в крепостном дворе. Ствол ее был столь велик, что превышал знаменитую Царь-пушку Московского Кремля. Пушка не стреляла уже пару сотен лет, но ее держали, чтобы пугать врагов.

– Ведь это ж надо! – удивлялись наши, трогая нагретый за день металл. – Ни дать ни взять корова в дуло влезет!

Для лучшего обеспечения продовольствием Сенявин разрешил командирам кораблей выделять людей для работ на берегу. Командиры два раза повторять не заставили. Немедленно были отправлены на остров матросы и деньги, закуплены коровы и овцы. Чтобы стада не перемешались, на капитанском совете все поля и луга поделили между кораблями. Эти владения называли гордо дачами. Теперь повсюду было только и слышно:

– Вон там за холмом, где овечки пасутся, чья дача будет?

– То «Твердого»!

– А вон там, левее?

– Там дача рафаильская!

Как всегда, к раздаче пирога не успели фрегатские. Пока «Венус» мотался в крейсерах, все хорошие «дачки» поделили без него. Прибыв и узнав о несправедливости, приглашенный на традиционный капитанский обед капитан-лейтенант Развозов обиделся не на шутку, даже есть отказался и рюмку от себя отодвинул:

– А где моя дачка будет, мы что, рыжие? Я тоже коровок с овечками пасти хочу и мясо с молоком на столе матросском иметь!

Командиры замялись: и «венусцев» жалко обижать, но и своих «благоприобретенных» лугов тоже отдавать не хотелось. Развозов, видя отношение такое, надулся и вовсе.

– Я на обиду такую буду бумагу писать главнокомандующему! – встал, уходить собравшись.

– Ладно тебе! – махнул рукой Лукин. – Отрежу тебе от «Рафаиловой дачи» кусок! Не журысь!

– И мы тебе маленько дадим! – согласились, усовестившись, остальные. – А то ты со своей дурацкой бумагой к адмиралу полезешь, а он в сердцах вообще все наши дачи разгонит!

– Вот это совсем иное дело! – сразу обрадовался Развозов, рюмочку в себя опрокинув и тарелку решительно пододвигая. – Как обоснуюсь, милости прошу к нам на «Венусскую дачу» в гости!

– Ты вначале обоснуйся, потом уж приглашай! – посоветовали ему. – А не то, не ровен час, снова в крейсерство загремишь!

После общего обеда командиры кораблей решили поехать посмотреть свои «владения». Отказался лишь Лукин, который торопился вернуться к себе на «Рафаил». Дело в том, что не далее как вчера вечером на корабле произошло чрезвычайное событие. «Рафаил» едва не повторил страшную судьбу британского «Аякса». Расследованием обстоятельств этого дела капитан 1-го ранга сейчас и занимался.

Слово очевидца: «С нами едва не случилось несчастья. Капитан у нас ужинал; это продолжило долее обыкновенного ужин и от того мы спаслись: почувствовали запах из констапельской, бросились из-за ужина туда, нашли там в каюте артиллерийского офицера черное белье, разные письменные бумаги и недокуренную трубку, которой огонь зажег белье и бумагу; все уже тлелось. Если бы ужин был ранее, офицеры разошлись бы спать; тогда огонь взял бы свою силу, а потушить его почти невозможно. Этот случай доказывает, что устав, написанный великим Петром, не совсем исполняется: ты знаешь, что курить трубку назначено место в кают-компании, а часовой у фитиля есть канонир, который не смел отказать своему лейтенанту. Как строго должно смотреть за огнем на корабле: нет бедствия ужаснее на море, как пожар. Разумеется, лейтенант был наказан, – этот офицер марал свой мундир; он даже был исключен из кампании...»

Особой популярностью среди офицерства пользовалась городская турецкая баня, офицеры в нее даже в очередь записывались, ибо всем места сразу не хватало. Ловкий грек быстро привел баню в порядок и имел с нее хорошие деньги. В мраморных залах журчали фонтаны. Здоровенный армянин клал очередного страдальца на скамью и неистово тер варежкой из грубой овечьей шерсти, не забывая поливать намыленной водой, затем сильными руками разминал тело и члены, снова мыл и снова разминал. А потому выходящий из бани чувствовал себя уже почти небожителем...

Помимо бани всю восстанавливали батареи, магазины, сооружали и некое подобие адмиралтейства. Так уж устроен русский человек, что везде начинает он обживаться быстро и обстоятельно, обосновываясь серьезно и надолго.

Из дневника Владимира Броневского: «Прибытие Российского флота в архипелаг скоро сделалось известным. Начальники островов Идро, Специи и других ближайших с восторгом и редкою готовностью предложили свои услуги. По взятии Тенедоса, со всех прочих островов, независимые майноты, сулиоты, а потом жители Мореи и древней Аттики, предложили собрать корпус войск, словом, вся Греция воспрянула и готова была при помощи нашей освободиться от ига неволи, но адмирал, действуя осторожно, отклонил сие усердие до времени и даже турок, поселившихся в Архипелаге, которые малым числом своим не могли вредить грекам, оставил покойными и сим избавил христиан от ужасного мщения их жестоких властителей. В прокламации, изданной в Идро, жители Архипелага объявлены принятыми под особое покровительство всероссийского императора, а порты на матером берегу, равно и острова

Кандия, Негропонт, Метелин, Хио, Лемнос, Родос и Кипр, занятые турецкими гарнизонами, признаны неприятельскими».

На Тенедос зашел английский бриг «Бриттон». Англичане привезли хорошие и плохие известия. Хорошие – об успехах наших войск в большой европейской войне в сражении при Прейсиш-Эйлау, плохие – о захвате тунисским беєм зашедших к нему в порт наших четырех торговых судов. Узнав об этом, Сенявин немедленно написал письмо Дукворту, прося его посодействовать в освобождении соотечественников.

Из записок Павла Свинына: «Приятные вести с севера придают более торжества празднествам нашим. Вчера пировали мы на корабле “Сильном” у Ивана Александровича Игнатьева, а сего дни на “Ретвизане” у Алексея Самойловича Грейга; с громкою музыкою и пушечной пальбою пили здравие победителей: непритворная веселость, братское дружество заседали в собраниях наших – с сими чувствами пойдем на врага, в огонь и в воду за царя и честь русского флага! Опытном узнали достоинство тенедосского вина, которое, по всей справедливости, почитается лучшим в Архипелаге; и если бы получше его делали, то не уступало бы ничем французскому Шато-Марго или Медоку...»

Уже ушел в устье пролива первый блокадный отряд. Инструктируя командиров, Сенявин велел как можно меньше стоять на якоре и как можно больше времени быть под парусами. Главные силы расположились между Тенедосом и анатолийским берегом, готовые в любой момент прийти на помощь. Теперь Дарданеллы были запечатаны крепко. В отчаянии турки было пытались использовать для сообщения расположенный северней пролива Саросский залив, но и эта их попытка была пресечена в корне посылкой туда нескольких мелких судов. Не сразу, а исподволь в турецкой столице начались перебои с продуктами. Чем дальше, тем голод становился острее. Никто не мог и подумать, что русские столь быстро и эффективно смогут создать столь реальную угрозу турецкой столице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.